

Т. Н. Панченко

Слово благодарного читателя

*Выступление на презентации книги Г. Б. Гутнера
«Начало и мотивация научного познания. Рассуждение
об удивлении» 4 ноября 2018 года*

На сегодняшней презентации отсутствует главный человек, которому должно было бы быть, — автор, Григорий Борисович Гутнер. Если бы он сегодня был с нами, можно было бы достаточно отвлеченно говорить об идеях, которые он в своей новой книге развивает. Но Григория Борисовича нет с нами. Поэтому книга, которую мы держим в руках, приобретает для нас особое значение. Книга, так скромно изданная, для нас драгоценна. В ней отражена история не только творческого, но и жизненного пути Григория Борисовича. Как вы знаете, он получил естественнонаучное образование. Очень хорошее. Он закончил Московский институт нефти и газа им. И. М. Губкина, где в то время собралось избранное общество студентов и преподавателей, отягощенных пятым пунктом биографии и по этой причине не допущенных в университет. Сферой его интересов были физика и прикладная математика. Потом он стал искать основания физики, поступил в аспирантуру Института философии АН и стал заниматься философией науки. Но спустя некоторое время и философия науки стала для него тесна, он обратился к метафизике или к онтологии. Результатом этого последнего поворота и является его последняя книга. Судя по нынешнему названию, он еще остается в рамках философии науки. Но название было изменено в последний момент, может быть, под влиянием редактора или каких-либо иных внешних содержанию книги соображений. Впервые я познакомилась с этим текстом чуть больше года назад, когда он имел иное название: *Образы удивления или возможное начало науки с антропологической точки зрения*. По этому первоначальному названию видно, что интересы автора уже далеко вышли за пределы философии науки.

Первый раз прочитав книгу, я написала Григорию Борисовичу, чуть шутя, что он занялся обоснованием «царственного проис-

хождения» науки. «Царственное происхождение» — не цитата, это мои слова. И Григорий Борисович ответил буквально так: «Вы очень неожиданно и точно выразили идею, которую я пытался обосновать. Особенно интересна метафора “царственное происхождение”. У меня действительно постоянно присутствует мысль о проявлениях аристократизма, благородства. Научные занятия, на мой взгляд, — одно из них».

Вот об этом царственном происхождении науки я и хочу сказать несколько слов.

До сих пор сохранившееся, обычное школьное представление о науке — то, что наука утилитарна. Люди занимаются наукой потому, что она полезна. Наука возникла из бедности, из нужды. Наука, как и большая часть наших жизненных действий (или, как сейчас говорят, практик) утилитарна. Мы делаем нечто в надежде на какой-либо, в близкой или далекой перспективе, полезный результат. Есть всего несколько видов деятельности, возникающих из другой мотивации. Мораль, искусство, игра и вера существуют не пользы ради, не для удобства, не для удовольствия. Они не средство для чего бы то ни было, они цель сами по себе.

Григорий Борисович уверен, что наука стоит в том же ряду. Весомым доказательством этого он считает то, что началом научной деятельности является удивление. Удивление не утилитарно. Удивление спрашивает «почему», «как возможно», а не «для чего».

Мы все помним, что об удивлении писал Аристотель, буквально повторяя Платона: *Философия начинается с удивления*¹. При этом он имел в виду не только философию, но и науку; говоря о том, что вызывает удивление, он приводил в пример движение Луны, Солнца, звезд, происхождение Вселенной, т. е. то, что давно числится по ведомству науки.

У Аристотеля удивлению посвящен только один абзац. Тот абзац, на который ссылается каждый преподаватель во введении к курсу философии, чтобы потом о нем больше ни разу не вспомнить. Как на основе этого абзаца можно было построить целую теорию удивления? Причем, удивительно, прочитав книжку Гри-

1. Ср.: «Философу свойственно испытывать... изумление. Оно и есть начало философии» [Платон, 208]; «...и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать» [Аристотель, 69]. — Прим. ред.

гория Борисовича, начинаешь понимать, что каким-то образом у Аристотеля эта теория уже намечена. Его абзац подобен маленькому зернышку, из которого удивительным образом проросла развернутая концепция удивления Г.Б. Гутнера. Удивление в его книге предстает как первичная мотивация научной деятельности. Удивление, лежащее у истоков науки, не некогда бывшее, единожды случившееся три тысячи лет назад, а присутствующее в каждом акте научного творчества.

Что же это за удивление? Чему, собственно, удивляется ученый, когда какая-то старая концепция треснула, разрушена, лежит в руинах, и ему удастся создать новую.

Г.Б. Гутнер собирает множество, кажется, случайных и разрозненных упоминаний удивления у Платона и Декарта, Канта и Гёте, Гейзенберга и Эйнштейна, Хайдеггера и многих других. Анализ их приводит его к уверенности, что все они пережили похожий экзистенциальный опыт. Они, каждый в своей сфере, сталкивались с реальностью и обнаруживали единство, которого на первый взгляд нет и быть не может. Удивление при виде рождающегося порядка связано с чудом, восхищением, благоговением. Но этому чуду всегда предшествует переживание хаоса, Ничто, ужаса, сопровождающего потерю смысла, когда обнаруживаются вещи и происходят события, несовместимые с нашими ожиданиями; когда есть нечто, чего не может быть, что необъяснимо на основе нашего предшествующего опыта.

Удивление сопутствует всякому рождению новой теории. Пытаясь объяснить связь различных явлений, т. е. увидеть порядок в хаосе случайного, ученый подводит эти явления под понятие (или строит объяснительную теорию), и вдруг оказывается, что его конструкция соответствует реальности. Пусть всегда неполно, всегда в какой-то мере, но соответствует. На основе этой конструкции мы можем создавать успешно работающие инструменты.

Как это возможно? Создание понятийных конструкций есть свободный творческий акт. Теоретическая картина реальности, создаваемая ученым, подобна творению художника. Григорий Борисович очень красиво пишет о том, что творческий акт ученого похож на творческий акт художника. В научном творчестве есть вдохновение, есть фантазия, есть игра. Вдруг неожиданным образом рождается концепция; в том, что совсем недавно было хаосом, обнаруживается порядок; оно становится полифоническим единством. И самое удивительное в этом то, каким образом человек — ограниченное существо, малая былинка природы,

играя понятиями как кубиками, «решая кроссворды», создает такую конструкцию ума, которая, выражаясь словами Вернера Гейзенберга, «действительно похожа на правду»? Удивляет именно отношение теории к реальности. Почему реальность не сопротивляется нашим фантазиям? Как продукт игры воображения может оказаться адекватен реальности?

Не чудо ли это?! «Вера в чудо и удивление от того, что это чудо действительно происходит, составляют подлинный нерв научного исследования», — пишет Г. Б. Гутнер [Гутнер, 169]. Надеяться на то, что понятийные конструкции являются идеальной моделью реальности, можно лишь, если есть глубокая вера в разумное устройство мира. Нельзя доказать, что существует всеобщий лад, порядок, гармония. Но без веры в нее ученый не может творить гармонию и порядок в том фрагменте реальности, которым он сам занимается. Иными словами, вера является условием научного творчества.

Свои самые сокровенные мысли Григорий Борисович проговаривает как бы вполголоса, почти шепотом. Так, изложив теорию удивления, он замечает, что в свете этой теории становится понятным утверждение Эйнштейна: «Серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди» [Эйнштейн, 129]. Действительно, это утверждение перестает быть частным мнением отдельного великого ученого. Оно обретает фундамент в концепции Г. Б. Гутнера.

Здесь, мне кажется, средоточие книги. Наука предстает как чудо встречи с Реальностью, путь освобождения от повседневности и себялюбия, «встреча с тем, что больше тебя, с тем, чему достойно отдать свою жизнь» [Гутнер, 172]. «Впрочем, — скромно, но определенно добавляет Григорий Борисович, — религия открывает такую же перспективу» [Гутнер, 172].

В связи с автобиографическими заметками Эйнштейна Г. Б. Гутнер пишет, что человек на пороге смерти, «озирая свою жизнь, как нечто завершенное, пишет о том, чему он ее отдал» [Гутнер, 172]. Эти слова справедливо отнести и к самому автору. Его последняя книга посвящена тому, чему он отдал свою жизнь — науке и вере.

Литература

1. *Аристотель* = Аристотель. Метафизика // Он же. Сочинения : В 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 65–367.
2. *Гутнер* = Гутнер Г. Б. Начало и мотивация научного познания : Рассуждение об удивлении. М. : Ленанд, 2018. 200 с.
3. *Платон* = Платон. Теэтет // Он же. Собр. соч. : В 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1993. С. 192–274.
4. *Эйнштейн* = Эйнштейн А. Религия и Наука // Он же. Собрание научных трудов : В 4 т. Т. 4 : Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики. М. : Наука, 1967. С. 126–129.